

УДК 902.2 +913 (575.173)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.19.30>

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОАЗИСЫ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОМ УЗБЕКИСТАНЕ: МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНО- ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЙОНИРОВАНИЯ

© 2026 г. У.Х. Шапулатов, Г.М. Сайфутдинова

В статье представлены результаты изучения и систематизации памятников сапаллинской культуры эпохи бронзового века на территории Южного Узбекистана. На основе анализа архивных данных и результатов новейших полевых исследований предложена модель культурно-хозяйственного районирования с выделением четырех ключевых земледельческих оазисов: Шерабадского, Кугитангского, Миршадийского и Бандиханского. Для каждого оазиса охарактеризованы специфические особенности систем расселения, хозяйственной адаптации и внутренней структуры микрооазисов. Центральное место в исследовании занимает анализ памятников, ранее малоизученных микрооазисов горного массива Кугитанг (Майдон, Пашхурт, Газ, Чарбаг, Зарабаг, Карабаг, Кампыртепа), где идентифицированы как долговременные поселения, так и специализированные производственные комплексы, включая соледобывающий центр Каттабулак. В работе детально исследуются стратегии освоения территории, основанные на использовании локальных водных источников и развитии искусственного орошения. Проведенный комплексный анализ существенно расширяет представления о географическом распространении, хронологических рамках и хозяйственно-экономических механизмах адаптации носителей сапаллинской культуры к аридным условиям Сурхандарьинского региона.

Ключевые слова: археологический памятник, бронзовый век, земледельческие оазисы, ирригационные системы, Кугитанг, микрооазисы, сапаллинская культура, Сурхандарья, Южный Узбекистан

AGRICULTURAL OASES OF THE SAPALLI CULTURE IN THE SOUTHERN UZBEKISTAN: A MODEL OF CULTURAL AND ECONOMIC ZONING

U.Kh. Shapulatov, G.M. Sayfutdinova

This paper deals with the results of research and systematization of the Sapalli culture sites of the Bronze Age in Southern Uzbekistan. Based on the analysis of archival data and recent field studies, a model of cultural-economic zoning is proposed, encompassing four key agricultural oases: the Sherabad, Kugitang, Mirshadi, and Bandikhan oases. For each oasis, the characteristics of settlement patterns, economic adaptation, and the internal structure of the micro-oases are described. Special attention is given to the study of the little-explored micro-oases of the Kuhitang mountain range (Maydon, Pashkhurt, Gaz, Charbag, Zarabag, Karabag, Kampyrtepa), where both long-term settlements and specialized production complexes have been identified, including the Kattabulak salt-mining center. The work details the strategies of territory development, based on the use of local water sources and the development of artificial irrigation. The conducted analysis significantly expands the knowledge of the geographical distribution, chronology, and economic mechanisms of adaptation of the Sapalli culture bearers to the arid conditions of the Surkhandarya region.

Keywords: archaeological site, Bronze Age, agricultural oases, irrigation systems, Kugitang, micro-oases, Sapalli culture, Surkhandarya, Southern Uzbekistan

История изучения и географические особенности сапаллинской культуры Южно-го Узбекистана. Качественно новый этап в изучении бронзового века связан с деятельностью А.А. Аскарова. Переломным моментом стало открытие в 1968 году поселения Сапаллитепа Л.И. Альбаумом и последующие масштабные раскопки этого памятника

А.А. Аскаровым (Аскаров, 1977), материалы которого позволили выделить самостоятельную сапаллинскую культуру средней бронзы.

Ареал культуры характеризуется специфическим расположением. Как отмечал Ф. Коль (Kohl et al., 1984), ее памятники отсутствуют вблизи крупных рек (Амударья, Сурхандарья), поскольку их глубокие русла делали

невозможным забор воды для примитивного орошения. Это наблюдение развил Т. Ширинов (Ширинов, 2011), указав, что носители культуры целенаправленно осваивали зоны исторических оазисов, привязывая поселения к локальным водным источникам, что типично для аридных регионов. Таким образом, сапаллинская культура сформировалась как культура оазисного земледелия, зависящего от искусственного орошения, что предопределило компактно-кластерный характер расселения в предгорьях.

Модель расселения и хозяйственного освоения: земледельческие оазисы сапаллинской культуры. Вопросы освоения древних земледельческих оазисов и географического районирования Северной Бактрии в эпоху бронзы нашли отражение в фундаментальных трудах А.А. Аскарова (Аскаров, 1976, 1977). Исследователем были выделены три освоенных оазиса позднего бронзового века: Шерабадский (включая системы р. Бустонсой и р. Уланбулаксой), Бандиханский и Шурчинский (Миршадийский), что заложило основу для понимания структуры расселения носителей сапаллинской культуры.

Подавляющее большинство археологических памятников Сурхандарьинской области связано с оседлым населением, экономика которого базировалась на развитом ирригационном земледелии. Исследователь Себастьян Страйт, изучавший этот регион, предложил детальное районирование Сурхандарьи по принципам водопользования. Предложенная им система районирования делит регион на северную и южную части. Северная часть подразделяется на два ландшафта и шесть ирригационных районов, а южная часть – на два ландшафта и семь ирригационных районов (Stride, 2004, p. 171–260). Методологическая ценность схемы районирования С. Страйта заключается в том, что она учитывает археологические объекты всех исторических периодов.

Исследования последних десятилетий позволили значительно расширить географию известных памятников сапаллинской культуры. По данным на 2020 год, общее количество памятников в Сурхандарьинском регионе достигло 45 (Augustinova et al., 2016, P. 262–281; Stanco et al., 2014, p. 37; Kaniuth, 2020, p. 460–469 и др.). Однако проведенный анализ выявил проблемы источникового характера.

В частности, к числу памятников отнесены местонахождения с единичными фрагментами керамики эпохи бронзы, не имеющие выраженного культурного слоя или архитектурных остатков, что затрудняет их идентификацию и статистическую обработку.

В рамках данного исследования с учетом новейших данных и критического пересмотра имеющейся информации предлагается уточненная модель культурно-хозяйственного районирования ареала сапаллинской культуры (рис. 1). Все выявленные памятники предлагается систематизировать в рамках четырех крупных земледельческих оазисов: Шерабадского, Кугитангского, Миршадийского и Бандиханского. Каждый из этих оазисов характеризуется собственной системой водоснабжения и внутренней структурой, в рамках которой правомерно выделение более мелких таксономических единиц – микрооазисов, объединяющих группы памятников в пределах локальных систем орошения (например, по малым речным долинам или группам родников). Такой подход позволяет перейти от простого перечисления памятников к анализу системы расселения и хозяйственного освоения территории как сложного иерархически организованного комплекса.

I. Шерабадский земледельческий оазис: природная среда и археологическая структура. Шерабадский оазис сформировался в дельте реки Шерабаддарья на аллювиально-пролювиальной равнине четвертичного периода. В предгорной зоне, характеризующейся глубоким залеганием грунтовых вод, хорошим стоком и низкой степенью минерализации, сложились наиболее благоприятные условия для развития орошаемого земледелия. В южной части равнины, прилегающей к долине реки Амударьи, наблюдается близкое к поверхности земли залегание грунтовых вод, обуславливающее процессы засоления почв и требующее проведения мелиоративных мероприятий. Крайние части оазиса пригодны для мелиорации, тогда как пролювиальные равнины низкогорий и предгорий в силу особенностей рельефа традиционно использовались как пастбищные угодья.

Освоение территории Шерабадского оазиса началось в эпоху бронзы. Археологические памятники концентрируются вдоль древних русел рек и саев, что отражает стратегию адаптации к условиям аридной зоны. А.А. Аска-

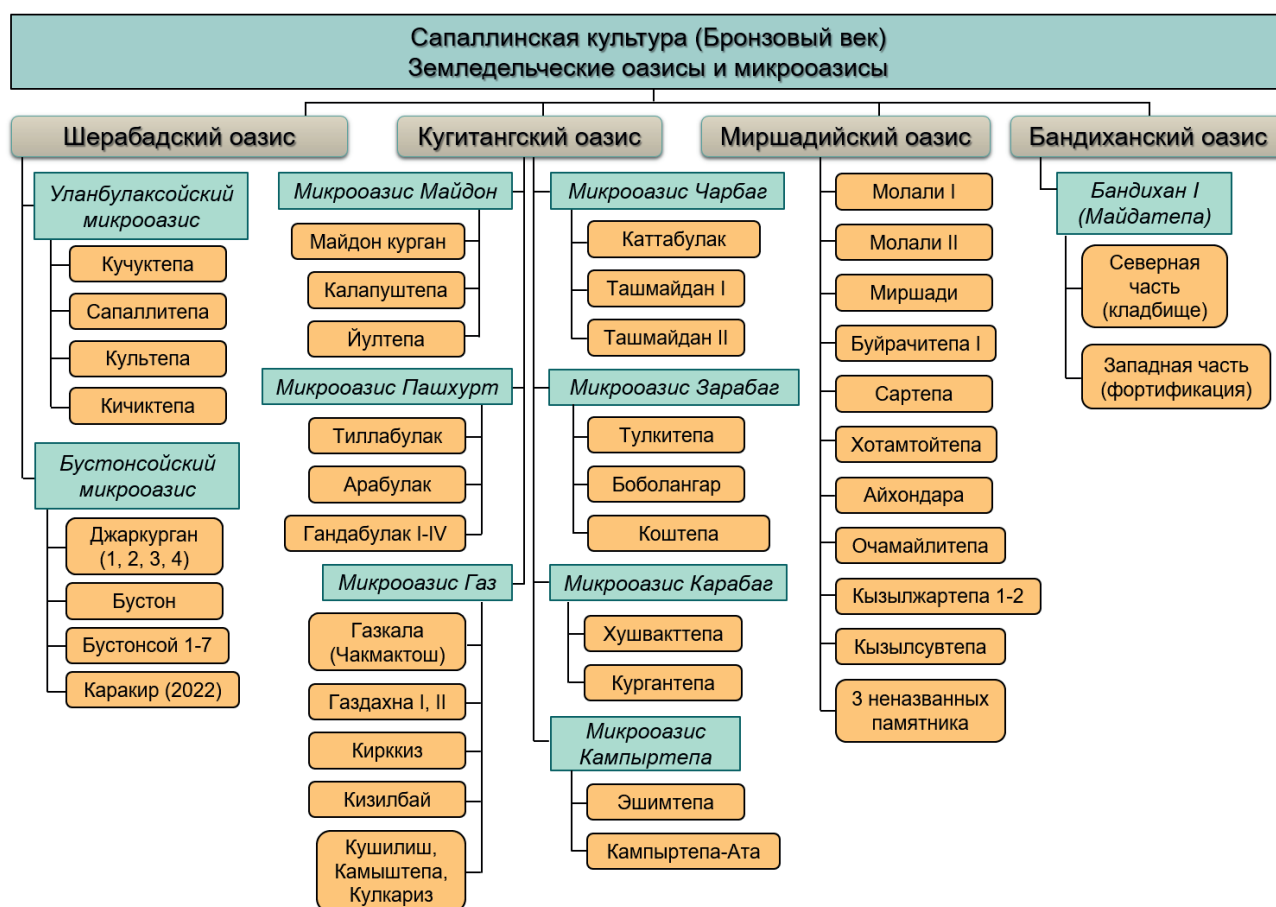

Рис. 1. Структурно-иерархическая модель земледельческих оазисов сапаллинской культуры

Fig. 1. Structural and hierarchical model of agricultural oases of the Sapalli culture

ров выделил в пределах оазиса два ключевых микрооазиса, связанных с основными водными артериями: р. Уланбулаксой и р. Бустонсой (Аскаров, 1977, с. 9).

Уланбулакской микрооазис объединяет памятники, тяготеющие к одноименному древнему руслу, берущему начало в юго-восточной части Кугитангского хребта. По данным археолого-топографических исследований, русло р. Уланбулаксы пересекало район современного кишлака Музрабад и достигало р. Амударьи. А.А. Аскаров зафиксировал здесь концентрацию поселенческих памятников эпохи бронзы, в том числе Кучуктепа, Сапаллитепа, Культепа, Кичиктепа, что свидетельствует о плотном заселении этой территории в древности.

Бустонской микрооазис включает памятники, расположенные в среднем течении древнего русла Бустонсы, вдоль реки Шерабаддаря и её западной дельте. К числу важнейших объектов относятся:

Джаркурган и Бустон – поселения и некрополи в русле р. Бустонсы;

Джаркурган 1 и 2 – крупный протогородской центр, Джаркурган 3 и 4 – некрополь (Аскаров, Абдуллаев, 1983); комплекс памятников на левом берегу Бустонсы;

Бустонсой 1-7 – группа поселений на правом берегу р. Бустонсы;

памятник Каракир, обнаруженный в 2022 году в ходе археологических разведок.

Шерабадский оазис представляет собой классический пример сложно структурированной системы расселения эпохи бронзы, где размещение археологических памятников определено гидрологической сетью. Выделение двух микрооазисов (Бустонской и Уланбулакской) отражает внутреннюю структуру освоения территории и подчёркивает значение локальных водных источников в формировании устойчивых земледельческих обществ.

II. Кугитангский земледельческий оазис: сводная характеристика микрооазисов. Кугитангский горный массив представляет собой уникальный регион для изучения древнего земледелия. Изучение сельских поселений

Кугитанга началось в 1960-х годах с этнографических работ Б.Х. Кармышевой (Кармышева, 1976) и археологических разведок Э.В. Ртвеладзе, З.А. Хакимова (Ртвеладзе, Хакимов, 1973; Ртвеладзе, 1974). В последние десятилетия исследования продолжили как узбекские (С.Б. Болелов, Д.Я. Ильясов, Ш.Б. Шайдуллаев и др. (Болелов, Ильясов, 2006)), так и международные экспедиции (К. Каниут, Л. Станчо, А. Аугустинова и др.), выявившие к настоящему времени 27 стратифицированных памятников сапаллинской культуры, сконцентрированных в семи микрооазисах: Майдон, Зарабаг, Карабаг, Пашхурт, Газ, Чарбаг, Кампыртепа (рис. 2). Эта концентрация представляет собой классический пример кластерно-микрооазисной модели расселения (табл. 1).

Типология памятников и хронология. Набор объектов разнообразен и образует сложную иерархическую систему. Наиболее значимым является многослойное укрепленное поселение Тиллабулак (4 га) в микрооазисе Пашхурт, относящееся к финальному этапу бронзового века. Серия радиоуглеродных дат, полученных для памятника, позволяет определить его в рамках культуры Намазга VI и датировать в интервале 1950-1800 гг. до н.э. (калиброванные значения) (Kaniuth, 2010, 2016; Kaniuth et al., 2010; Шайдуллаев, 2017). В микрооазисах Газ и Зарабаг выявлены сельские поселения, оборонительные сооружения (Газдахна I, II) и погребальные комплексы (Кирккиз), датируемые ранним и развитым этапами поздней бронзы (Augustinova et al., 2016, 2018; Kaniuth, 2020). Уникальным объектом является специализированный следодобывающий комплекс Каттабулак (Шайдуллаев, Шайдуллаев, 2023a, с. 10–14, 2023b, с. 15–18) в микрооазисе Чарбаг, связанный с переработкой ресурсов месторождения Ходжаикон. Кроме того, в микрооазисах зафиксированы оборонительные сооружения. В микрооазисах Майдон, Карабаг и Кампыртепа памятники представлены, главным образом, стратифицированными поселениями (Тулкитепа, Боболангар, Эшимтепа) и местонахождениями с подъемным материалом, что свидетельствует об освоении территории на разных этапах сапаллинской культуры (Augustinova et al., 2018; Kysela et al., 2018).

Состояние сохранности. Памятники подвержены интенсивному антропогенному

воздействию. Многие объекты (например, Коштета в Зарабаге) сильно разрушены современной хозяйственной деятельностью, дорогами и застройкой (Augustinova et al., 2016, 2017). Некоторые (Кургантепа, Кампыртепа-Ата) используются как современные кладбища. Наиболее сохранившиеся стратифицированные памятники (Тиллабулак, Тулкитепа, Боболангар) требуют проведения срочных охранных раскопок.

Таким образом, Кугитангский оазис, с его высокой плотностью памятников, сложной внутренней иерархией и наличием специализированных производственных зон, служит эталонной моделью для анализа сложно организованной системы расселения сапаллинской культуры в горно-предгорных условиях.

III. Оазис Миршади и его археологические памятники. Оазис Миршади расположен на территории современных Алтинсайского и Шурчинского районов Сурхандарьинской области. Первые археологические исследования проведены в 1970 году экспедицией Института искусствоведения Узбекистана под руководством Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1972), обнаружившей археологический памятник бронзового века – стоянку Миршади. Последующие исследования проводились международными коллективами с участием специалистов из Узбекистана, России, Германии и Франции (Беляева, Хакимов, 1973, с. 35–51; Пугаченкова, 1972, с. 47–49; Аршавская и др., 1982; Сагдуллаев, 1989, с. 8–19; Luneau et al., 2022, p. 100–392; Stride, 2004).

Основными памятниками оазиса являются:

Молали I: находится на правом берегу Кызылжарсая. Памятник обнаружен в 1970 году и исследован в 1972–1973 годах. Зафиксированы 7 разрушенных погребений сапаллинской культуры. На сегодняшний день памятник полностью уничтожен (Пугаченкова, 1972, с. 47–49);

Молали II: выявлен в 1975 году в 2 км к северо-востоку от Молали I. Обнаружены остатки сооружений из сырцового кирпича (толщина стен до 1,3 м), каменные орудия, гончарная печь (диаметр 0,9 м) фрагменты керамики и следы сильного пожара. На основе этих находок Молали II выделен в отдельный «Муллалыйский этап» сапаллинской культуры. В 2012 году здесь проводились совместные узбекско-германские археологические исследования (Сверчков, Бороффка, 2015, с. 75–88);

Миршади: зарегистрирован в 1970 году Г.А. Пугаченковой, исследовался Т.В. Беляевой и З.А. Хакимовым (Беляева, Хакимов, 1973). Находится в Алтинсайском районе, в 2 км к западу от правого берега Кызылжарсая. Точная локализация в настоящее время затруднена;

Буйрачитепа I: расположен на левом берегу Кызылжарсая, в 500 м к югу от Кызылтапа. Стратиграфические шурфы А.С. Сагдуллаева выявили культурный слой мощностью 0,5-0,9 м. Датирован поздним бронзовым веком;

Сартепа: находится в центре кишлака Кичик Вахшувор (высота 1458 м над у.м.). Первоначально датирован XI-XIV веками, однако керамические материалы свидетельствуют о заселении в бронзовом веке (Stride, 2004);

Хотамтойтепа: расположен на левом берегу Халкжарсая (479 м над у.м.). Керамика культурного периода Намазга IV позволила в 1974 году А.С. Сагдуллаеву датировать памятник эпохой бронзы, что позднее подтвердил С. Страйд (Stride, 2004);

Айхондара: зарегистрирован французским археологом С. Страйдом в районе выхода Коракамарского ущелья. Уничтожен современной деятельностью, однако найденные многочисленные целые керамические сосуды указывают на функционирование здесь некрополя бронзового века.

В оазисе зафиксированы также Очамайлитепа, Кызылжартепа 1-2, Кызылсувтепа и три неназванных памятника Номизтепа с материалами сапаллинской культуры.

Выявление 14 археологических объектов в оазисе Миршади значительно расширяет известные границы распространения сапаллинской культуры. Комплекс памятников демонстрирует сложную систему расселения с разнофункциональными объектами (поселения, некрополи, производственные центры). Проведенные исследования подчеркивают важную роль региона в системе культурных и хозяйственных связей древнего населения Средней Азии в эпоху бронзы.

Анализ локализации выявленных памятников показывает ключевую особенность организации пространства в этом оазисе. В отличие от кластерной модели Кугитанга, для Миршадийского оазиса характерен линейно-приречный тип расселения, приуроченный к долинам саев Кызылжарсай и Халкжарсай.

Ключевое отличие заключается в отсутствии выраженных микрооазисов и большей зависимости от сезонного стока. Основные типы выявленных памятников – некрополи (Молали I, Айхондара) и поселения с элементами производственной деятельности (Молали II), что может указывать на иную, сезонно обусловленную модель хозяйственной адаптации.

IV. Бандиханский земледельческий оазис: история изучения и характеристика памятников. Основным водным источником оазиса является р. Кофрун, берущая начало в горах Бойсун. Основное русло реки впадает в р. Сурхандарью, тогда как ее древний рукав – Ургулисой – направляется на юго-запад и теряется в пределах современных сельскохозяйственных угодий.

Археологическое изучение оазиса началось в 1970-х годах экспедициями под руководством Э.В. Ртвеладзе, З.А. Хакимова, М.Х. Исхакова, А.С. Сагдуллаева (Ртвеладзе, 1974; Сагдуллаев, 1989). В последующий период детальные исследования проводились Л.М. Сверчковым, Н. Бороффкой, В.В. Мокробородовым (Сверчков, Бороффка, 2007; Мокробородов, 2006), которые выявили памятники позднего бронзового и раннего железного веков.

Ключевым объектом оазиса является многослойный памятник Бандихан I (Майда-тепа) зарегистрированный Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1974) в 1970-х годах на высоте 455 метров над уровнем моря. Памятник характеризуется сложной планиграфической структурой: состоит из двух частей, разделенных древним каналом. Северная часть (диаметр 200 м) полностью преобразована в современное кладбище, а западная часть представляет собой внешний фортификационный пояс высотой 1 м.

Стратиграфические исследования 2005 года выявили шесть строительных горизонтов, при этом материалы сапаллинской культуры зафиксированы исключительно в нижних слоях памятника (Сверчков, Бороффка, 2007, с. 97–131). Исследования показали, что памятник имеет шесть периодов. Данный объект демонстрирует непрерывность культурной традиции от эпохи бронзы до современности.

Длительная непрерывность заселения, зафиксированная в виде многослойного куль-

турного слоя, определяет Бандиханский оазис как территорию с моноцентрической моделью расселения. В отличие от кластерной структуры Кугитангских микрооазисов, здесь сложилась точечная концентрация населения вокруг постоянного водного источника (р. Кофрун), что привело к формированию единого устойчивого центра, а не распределенной сети поселений.

Сравнительный анализ моделей расселения в четырех оазисах (табл. 1). Проведенное исследование позволяет выделить три основных модели расселения сапаллинской культуры в Южном Узбекистане:

1. *Кластерно-микрооазисная (Кугитангский оазис)*: высокая плотность памятников, четкая иерархия и специализация микрооазисов;

2. *Линейно-приречная (Миршадийский и Шерабадский оазисы)*: привязка к постоянным или сезонным водотокам, формирование вытянутой структуры вдоль русел;

3. *Моноцентрическая (Бандиханский оазис)*: формирование одного крупного многослойного центра с долговременной преемственностью.

Такое разнообразие отражает высокую адаптивность носителей сапаллинской культуры к различным ландшафтно-гидрологическим условиям региона. В частности, выявленные модели расселения – от плотной сети микрооазисов в Кугитангском массиве до моноцентрической структуры в Бандихане – демонстрируют широкий спектр адаптационных стратегий. Детализация описания Кугитангского оазиса обусловлена не только его лучшей изученностью, но и его репрезентативностью как сложноорганизованной системы, в то время как другие оазисы представляют собой иные, но не менее важные варианты хозяйственного освоения аридных зон.

Межоазисные связи в системе сапаллинской культуры. Предложенная модель культурно-хозяйственного районирования позволяет поставить вопрос о характере взаимодействия между выделенными оазисами. Анализ географических и археологических данных указывает на наличие потенциальных связей. Прежде всего, гидрологическое единство таких систем, как р. Уланбулаксой, связывающий горные микрооазисы Кугитанга (Газ) с равнинным Шерабадским оазисом, создавало естественную основу для комму-

никации. Наиболее убедительным свидетельством существования региональной экономической сети является специализированный соледобывающий комплекс Каттабулак в микрооазисе Чарбаг. Такой транспортабельный и жизненно важный ресурс, как соль, с высокой долей вероятности распределялся по соседним оазисам, превращая Чарбаг в ключевой производственный и, возможно, торговый узел. Культурная однородность материалов сапаллинского типа на всей исследованной территории также косвенно свидетельствует об устойчивых контактах между общинами разных оазисов.

Таким образом, несмотря на компактно-кластерный характер расселения, оазисы сапаллинской культуры, вероятно, не были изолированными анклавами, а формировали слабосвязанную, но функционально взаимодействующую систему, основанную на обмене ресурсами (соль, минералы, возможно, скот, зерно) и поддерживаемую общей культурной традицией. Детальная реконструкция этих связей требует применения специальных методов (трассология, изотопный анализ) и является задачей будущих исследований.

Заключение. Проведенное исследование позволило не только систематизировать разрозненные данные, но и предложить новую модель культурно-хозяйственного районирования ареала сапаллинской культуры. Ключевым ее результатом является выявление и характеристика четырех крупных земледельческих оазисов (Шерабадский, Кугитангский, Миршадийский, Бандиханский), каждый из которых демонстрирует уникальную модель адаптации к конкретным ландшафтно-гидрологическим условиям (табл. 1).

Сводные данные, представленные в таблице 1, дают ясное представление о том, как формируется общее количество выявленных объектов. На сегодняшний день учтено 79 объектов, связанных с сапаллинской культурой: это 60 стратифицированных памятников и 19 местонахождений с подъемным материалом. Их распределение по оазисам неравномерно и отражает как степень изученности, так и историческую специфику: в Кугитангском оазисе сконцентрировано 27 стратифицированных памятников, в Шерабадском – 17, в Миршадийском – 14, тогда как в Бандиханском оазисе, при всего двух стратифицированных памятниках, фиксируется наиболее

Таблица 1. Сравнительная характеристика моделей расселения в земледельческих оазисах сапаллинской культуры
 Table 1. Comparative analysis of settlement patterns in the agricultural oases of the Sapalli culture

Критерий сравнения	Шерабадский оазис	Кутитангский оазис	Мираншадский оазис	Бандиханский оазис
Основная модель расселения	Линейно-приречная	Кластерно-микрооазисная	Линейно-приречная	Моноцентрическая
Гидрологическая основа	Постоянные водотоки (р. Шерабаддарья, русла р. Уланбулакской, р. Бустонсой)	Сеть локальных родников и сезонных водотоков в предгорьях	Сезонные водотоки (саи) в предгорной зоне (Кызылжарсай, Халкжарсай)	Крупный постоянный водоток (р. Кокфрун)
Количество выявленных памятников (объектов)	17 памятников (основные: Джаркурган, Сапаллитепа, Бустон, Каракир)	27 памятников, сконцентрированных в 7 микрооазисах	14 археологических объектов	Ключевой объект – Бандихан I (Майдатепа)
Внутренняя структура и иерархия	Два четких микрооазиса (Уланбулакской, Бустонской) с группами поселений	Сложная иерархия: 7 микрооазисов с центральными поселениями, сельскими поселками, специализированными комплексами	Рассредоточенные памятники разных типов (поселения, некрополи, производственные центры) без выраженных микрооазисов	Единый крупный многослойный центр с долговременной стратиграфией
Преобладающий тип памятников	Крупные долговременные поселения, некрополи	Разнообразие: укрепленные поселения (Тиллабулак), сельские поселения, производственные (Каттабулак), погребальные комплексы	Поселения (Молали II), некрополи (Молали I, Айхондара)	Многослойный tell с культурной преемственностью
Хозяйственная специфика	Классическое ирригационное земледелие	Комплексное хозяйство: земледелие, специализированные промыслы (добыча соли)	Земледелие, вероятно, с большей ролью скотоводства; тончайшее производство	Долговременное земледельческое поселение у постоянного водного источника
Хронологические рамки (в рамках сапаллинской культуры)	Период расцвета культуры	Тиллабулак, 1950-1800 гг. до н.э.	Представлены различные этапы, включая «Муллалийский»	Материалы зафиксированы в нижних, наиболее ранних слоях
Отличительная черта модели	Четкая привязка к древним руслам, формирование двух четких ареалов освоения	Максимальная адаптация к горно-предгорному ландшафту, высокая степень специализации микрооазисов	Освоение зон сезонного стока, мозаичность размещения памятников	Уникальная непрерывность заселения одного места от бронзового века

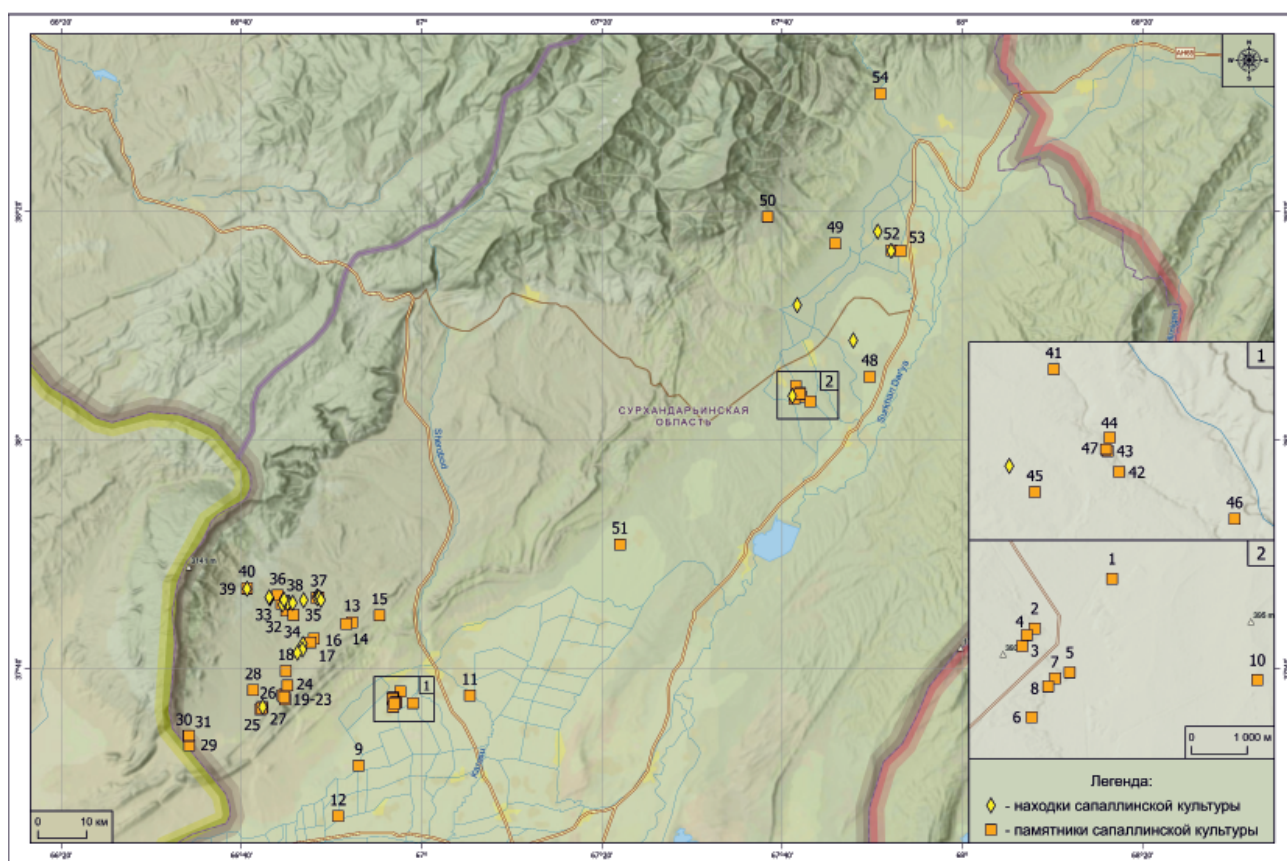

Рис. 2. Карта распространения археологических памятников сапаллинской культуры на территории Сурхандарьинского региона

Fig. 2. Map of the distribution of archaeological sites of the Sapalli culture in the Surkhandarya region

крупный и многослойный центр. Детализированная карта распространения памятников (рис. 2), созданная с применением геоинформационных систем, наглядно демонстрирует широкое освоение носителями сапаллинской культуры не только предгорных, но и горных районов. Для картографирования были использованы данные по 73 объектам с точно установленными координатами, что обеспечило репрезентативность выборки для анализа пространственной организации культуры. Работа по уточнению локализации остальных памятников, известных по литературным и архивным данным, определена как одна из задач будущих исследований.

Предложенная модель выходит за рамки простой констатации фактов и ставит ряд важных дискуссионных вопросов для будущих исследований:

Природа иерархии и взаимодействия. Если микрооазисы внутри Кугитанга образуют явную систему, то какова была природа связей между самими крупными оазисами? Был ли это обмен ресурсами (как в случае с солью из

Чарбага), сезонные миграции или культурно-информационные контакты, обеспечивающие единство материальной культуры? Являлись ли выявленные модели расселения (кластерная, линейная, моноцентрическая) полностью автономными адаптациями или элементами более сложной, слабо связанной региональной системы?

Генезис и хронология специализации. Что обусловило возникновение таких уникальных для региона специализированных производственных центров, как соледобывающий комплекс Каттабулак, именно в эпоху средней бронзы? Была ли эта специализация внутренней эволюционной реакцией на конкретные природные условия или результатом внешних культурных влияний и ростом межобщинного обмена?

Социально-экономическая интерпретация моделей. Отражают ли различные модели расселения (например, сложная иерархия Кугитанга и моноцентризм Бандихана) различия в уровне социальной сложности, организации труда или системах управления ресурсами внутри единой сапаллинской культуры?

Таким образом, полученные данные не только значительно расширяют географию распространения сапаллинской культуры, но и переводят ее изучение в новую плоскость – от инвентаризации памятников к анализу сложноорганизованного общества с развитыми механизмами адаптации, внутренней дифференциацией и потенциальными межозазисными связями.

Перспективы дальнейших исследований лежат в двух плоскостях: методической и проблемной. Необходимо проведение системных охранных раскопок на ключевых, но разрушающихся памятниках (например, в микрооазисах Зарабаг и Карабаг) с обязательным применением комплекса естественнона-

учных методов (трасология, палеоботаника, изотопный анализ – для изучения питания и миграций древнего населения, археометрия керамики). Это позволит перейти от гипотез о связях к их доказательной реконструкции. Одновременно требуется детальное картографирование и создание ГИС всей совокупности памятников, что станет основой для пространственного анализа и моделирования древних ландшафтов. Реализация этих направлений позволит ответить на поставленные вопросы о природе иерархии, причинах специализации и истинном масштабе взаимодействия древних земледельческих сообществ Южного Узбекистана в эпоху бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1982. 150 с.

Аскаров А.А. Бронзовый век Южного Узбекистана (К проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976. 44 с.

Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 232 с.

Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент: Фан, 1983. 120 с.

Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана / ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1973. С. 35–51.

Болелов С.Б., Ильясов Дж.Я. Археологические исследования в Пашхуртской котловине // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 5 / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Самарканд: Фан, 2006. С. 89–94.

Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана: по этнографическим данным. М.: Наука, 1976. 322 с.

Мокроброродов В.В. Керамика эпохи бронзы из кишлака Пашхурт // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 5 / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Самарканд: Фан, 2006. С. 160–164.

Пугаченкова Г.А. Новый памятник древнебактрийской культуры // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1 / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1972. С. 47–49.

Ртвеладзе Э.В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия: Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1974. С. 74–85.

Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана / Ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1973. С. 10–34.

Сагдуллаев А.С. К изучению поселения Муллали // Краеведение Сурхандарьи / Под ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Узбекистан, 1989. С. 8–19.

Сверчков Л.М., Бороффка Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3 / Под ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Санъат, 2007. С. 97–131.

Сверчков Л.М., Бороффка Н. Материалы поселения эпохи поздней бронзы Молали // Археология Узбекистана. 2015. № 1 (10). С. 75–88.

Шайдуллаев А.Ш. Сополли маданияти глиптикаси ва сфрагистикаси. Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертация матни. Тошкент, 2017. 53 б.

Шайдуллаев Ш.Б., Шайдуллаев А.Ш. Каттабулоқ пайконлари // Бронза ва илк темир асрида Марказий Осиё халқларининг моддий маданияти: материалы Респ. науч.-практ. конф. (Самарканд, 2023 г.) / Масъул муҳаррир М. М. Саидов. Самарканд, 2023. С. 10–14.

Шайдуллаев Ш.Б., Шайдуллаев А.Ш. Каттабулоқ туз ва гипс ишлаб чиқариш корхонаси // Бронза ва илк темир асрида Марказий Осиё халқларининг моддий маданияти: материалы Респ. науч.-практ. конф. (Самарканд, 2023 г.) / Масъул муҳаррир М. М. Саидов. Самарканд, 2023. С. 15–18.

Ширинов Т.Ш. Религиозная среда Средней Азии во II тыс. до н.э. // Тарихимиз этюдлари – Этюды нашей истории. / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Ташкент: Илмий-оммабоп нашр., 2011. С. 195–213.

Augustinova A., Stanco L., Damašek L., Khamidov O., Kolmacka T., Shaydullaev Sh. Archaeological Survey in the Oases of Maydon and Goz in the Piedmont of the Kugitang Mountains (South Uzbekistan) – Preliminary Report for Season 2017 // *Studia Hercynia*. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 139–159.

Augustinova A., Stanco L., Damašek L., Mrva M., Shaydullaev Sh. Archaeological Survey of the Oases of Zarabag, Karabag and Kampyrtepa in the Piedmont of the Kugitang Mountains, South Uzbekistan – Preliminary Report for the Season 2016 // *Studia Hercynia*. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 104–148.

Augustinova A., Stanco L., Shaydullaev Sh., Mrva M. Archaeological Survey in Micro-Oasis Zarabag (South Uzbekistan): Preliminary Report for Season 2015 // *Studia Hercynia*. 2016. Vol. 19. No. 1–2. P. 262–281.

Kaniuth K. Long-Distance Imports in the Bronze Age of Southern Central Asia: Recent Finds and Their Implications for Chronology and Trade // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2010. Vol. 42. P. 3–22.

Kaniuth K. Life in the Countryside: The Rural Archaeology of the Sapalli Culture // *The World of the Oxus Civilization* / Ed. by B. Lyonnet, N.A. Dubova. L.; N.Y.: Routledge, 2020. P. 457–486.

Kaniuth K., Gruber M., Kurmangaliev A., Sachs F., Sajdullaev A., Makki M., Biro P. Tilla Bulak 2009 – Vorbericht zur dritten Kampagne // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2010. Vol. 42. P. 129–163.

Kohl P.L., Francfort H.P., Gardin J.C. Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984.

Kysela J., Augustinova A., Kinaston R. Preliminary Reports on the Excavations at Burgut Kurgan and Bobolangar in 2017 // *Studia Hercynia*. 2018. Vol. 22. No. 1. P. 158–182.

Luneau E., Martínez Ferreras V., Boroffka N., Sverchkov L. Archaeometric Investigations of the Molali Pottery Complex (Bronze Age, Uzbekistan): New Data on Technology and Exchanges at the End of the Oxus Civilization // *Archaeological Research in Asia*. 2022. Vol. 31. 100392.

Stanco L., Shaydullaev Sh., Bendezu Sarmiento J., Pažout A., Vondrova H. Kayrit Burial Site (South Uzbekistan): Preliminary Report for Season 2014 // *Studia Hercynia*. 2014. Vol. 18. No. 1–2. P. 32–41.

Stride S. *Geographie Archeologique de la Province du Surkhan Darya*: Vol. I–V. Paris: De Boccard, 2004.

Информация об авторах:

Шапулатов Улугбек Холтожиевич, старший преподаватель, Термезский государственный университет (г. Термез, Республика Узбекистан) shapulotov87@gmail.com.

Сайфутдинова Гузель Маратовна, кандидат технических наук, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; доцент, Институт геологии и нефтегазовых технологий, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); saif_gm@mail.ru.

REFERENCES

Arshavskaya, Z. A., Rtveladze, E. V., Khakimov, Z. A. 1982. *Srednevekovye pamiatniki Surkhandari (Medieval sites of Surkhandarya)*. Tashkent: “Izd-vo literatury i iskusstva” Publ. (In Russian).

Askarov, A. A. 1976. *Bronzovyi vek Iuzhnogo Uzbekistana (K probleme razvitiia lokalnykh ochagov drevnevostochnykh tsivilizatsii) (Bronze Age of Southern Uzbekistan (On the issue of development of local centres of ancient eastern civilizations))*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Askarov, A. A. 1977. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana (Ancient agricultural culture of the Bronze Age of the south of Uzbekistan)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Askarov, A. A., Abdullaev, B. N. 1983. *Dzharkutan (k probleme protogorodskoi tsivilizatsii na iuge Uzbekistana) (Dzharkutan (On the issue of Proto-Urban civilization in the South of Uzbekistan))*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Belyaeva, T. V., Khakimov, Z. A. 1973. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Iz istorii antichnoi kultury Uzbekistana (From the history of the ancient culture of Uzbekistan)*. Tashkent: “Izd-vo literatury i iskusstva” Publ., 35–51 (in Russian).

Bolelov, S. B., Ilyasov, Dzh. Ya. 2006. In Pidaev, Sh. R. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane (Archeological researches in Uzbekistan)* 5. Samarkand: "Fan" Publ., 89–94 (in Russian).

Karmysheva, B. Kh. 1976. *Ocherki etnicheskoi istorii iuzhnykh raionov Tadzhikistana i Uzbekistana: po etnograficheskim dannym (Essays on the ethnic history of the southern regions of Tajikistan and Uzbekistan: based on ethnographic data)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mokroborodov, V. V. 2006. In Pidaev, Sh. R. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane (Archeological researches in Uzbekistan)* 5. Samarkand: "Fan" Publ., 160–164 (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1972. In Masson, V. M. (ed.). *Uspekhi sredneaziatskoy arkheologii (Achievements of Central Asian archaeology)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 47–49 (in Russian).

Rtveladze, E. V. 1974. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnaya Baktriya: Predvaritelnye soobshcheniya ob arkheologicheskikh rabotakh na iuge Uzbekistana (Ancient Bactria: preliminary reports on archaeological work in Southern Uzbekistan)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 74–85 (in Russian).

Rtveladze, E. V., Khakimov, Z. A. 1973. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Iz istorii antichnoi kultury Uzbekistana (From the history of the ancient culture of Uzbekistan)*. Tashkent: "Izd-vo lit. i iskusstva" Publ., 10–34 (in Russian).

Sagdullaev, A. S. 1989. In Rtveladze, E. V. (ed.). *Kraevedenie Surkhandari (Local History of Surkhandarya)*. Tashkent: Uzbekistan, 8–19 (in Russian).

Sverchkov L.M., Boroffka N. 2007. In Rtveladze, E. V. (ed.). *Trudy Baisunskoi nauchnoi ekspeditsii (Proceedings of the Baysun Scientific Expedition)* 3. Tashkent: "Fan" Publ., 97–131 (in Russian).

Sverchkov, L. M., Boroffka, N. 2015. In *Arkheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan)* 1 (10), 75–88 (in Russian).

Shaydullaev, A. Sh. 2017. *Sopolli madaniyati gliptikasi va sfragistikasi (Glyptics and sphragistics of the Sapalli culture)*. PhD Diss. Tashkent (in Uzbek).

Shaydullaev, Sh. B., Shaydullaev, A. Sh. 2023. In Saidov, M. M. (ed.). *Bronza va ilk temir asrida Markaziy Osiyo xalqlarining moddiy madaniyati (Material culture of the peoples of Central Asia in the bronze and early Iron Ages)*. Samarkand, 10–14 (in Uzbek).

Shaydullaev, Sh. B., Shaydullaev, A. Sh. 2023. In Saidov, M. M. (ed.). *Bronza va ilk temir asrida Markaziy Osiyo xalqlarining moddiy madaniyati (Material culture of the peoples of Central Asia in the bronze and early Iron Ages)*. Samarkand, 15–18 (in Uzbek).

Shirinov, T. Sh. 2011. In Shirinov, T. Sh. (ed.). *(Tariximiz etyudlari – Etyudy nashey istorii) (Etudes of our history)* Tashkent: "Fan" Publ., 195–213 (in Russian).

Augustinova A., Stanco L., Damašek L., Khamidov O., Kolmacka T., Shaydullaev Sh. 2018. In *Studia Hercynia* 21 (2), 139–159.

Augustinova A., Stanco L., Damašek L., Mrva M., Shaydullaev Sh. 2017. In *Studia Hercynia* 21 (1), 104–148.

Augustinova, A., Stanco, L., Shaydullaev, Sh., Mrva, M. 2016. In *Studia Hercynia* 19 (1–2), 262–281.

Kaniuth, K. 2010. In *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* (42), 3–22 (in English).

Kaniuth, K. 2020. In Lyonnet, B., Dubova, N. A. (ed.). In *The World of the Oxus Civilization*. L.; N.Y.: Routledge, 457–486.

Kaniuth, K., Gruber, M., Kurmangaliev, A., Sachs, F., Sajdullaev, A., Makki, M., Biro, P. 2010. In *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* (42), 129–163.

Kohl, P. L., Francfort, H. P., Gardin, J. C. 1984. *Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations,

Kysela, J., Augustinova, A., Kinaston, R. 2018. In *Studia Hercynia* 22 (1), 158–182.

Luneau, E., Martínez Ferreras, V., Boroffka, N., Sverchkov, L. 2022. In *Archaeological Research in Asia* (31), 100392.

Stanco, L., Shaydullaev, Sh., Bendezu Sarmiento, J., Pažout, A., Vondrova, H. 2014. In *Studia Hercynia* 18 (1–2), 32–41.

Stride, S. 2004. *Geographie Archeologique de la Province du Surkhan Darya*: Vol. I–V. Paris: De Boccard.

About the Authors:

Shapulatov Ulugbek Kh. Termez State University, Barkamol avlod at street, 43, Termez city, 190111, Uzbekistan; shapulatov87@gmail.com.

Sayfutdinova Guzel M., Candidate of Technical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation.; saif_gm@mail.ru

Статья поступила в журнал 24.01.2026 г.
Статья принята к публикации 15.02.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу